

Стенограмма заседания Ученого совета (с 0:38:00)

Воронов: ...Коллеги прошу голосовать. Кто-то один не проголосовал, коллеги. Коллеги, три, два, один. Покажите результат. По итогам тайного голосования на должность доцента кафедры высшей математики, на позицию номер 7, выиграл (неразборчиво). Прошу это записать в протокол для членов счетной комиссии.

Иванов: Коллеги, мы двигаемся к финалу наших вопросов голосования. Итак, профессора. Ситуация такая, что на две вакансии, четыре претендента. На заседании кафедры рассматривались, как я уже сказал, только действующие преподаватели. Два наших действующих лектора, Дымарский и Балашов, оба они получили рекомендации кафедры. А внешние претенденты просто не рассматривались на заседании кафедры.

Теперь я о каждом скажу подробно. Ну, прежде всего я хочу сказать о Дымарском Якове Михайловиче. Он четыре года работает на кафедре, очень хорошо влился в наш коллектив и учебный процесс. После двух лет успешной работы в качестве преподавателя семинаров, Яков Михайлович начал лекции по курсу матанализа. Это один из основных курсов в МФТИ, состоящий из четырёх семестров, и с этим Яком Михайлович успешно справляется. Параллельно с подготовкой курса и чтением лекций Дымарский пишет учебник и по мере его написания выкладывает его главы на сайте кафедры, чем существенно помогает студентам в освоении курса. Подготовил одного кандидата наук, ведёт научную работу, но эта работа не столь активна последние пять лет, всего две статьи. Не очень большая активность связана с тем, что всё время уходит у Якова Михайловича на подготовку этого непростого курса. Есть рекомендация кафедры, его кандидатура не вызывает сомнений, я предлагаю проголосовать за Якова Михайловича в первую очередь.

Теперь о других кандидатах. Дикусар Василий Васильевич, он присутствует здесь. С 1969 года по 2009 год работал на нашей кафедре по совместительству, последние годы в должности профессора. До недавнего времени работал главным научным сотрудником Вычислительного центра РАН. С 2014 года по настоящее время он – приглашённый профессор Технологического-гуманитарного университета в г. Радоме, Польша. Специалист по теории оптимального управления, вычислительной математике и другим разделам математики. Подготовил 22 кандидата и 10 докторов наук.

Следующий наш кандидат – Петрова...

Каменец: Мнение о нем кафедры есть?

Иванов: Не рассматривала. На тот момент вообще было неясно, кто у нас подал заявление на конкурс, когда было заседание, и было принято решение рассматривать только тех, кого мы знаем.

Итак, следующий кандидат – Вера Тимофеевна Петрова. Доктор педагогических наук, работала на нашей кафедре штатным сотрудником с 2003 по 2013 год, а до этого ещё какое-то время совместителем она работала. В этот период она читала лекции "Аналитическая геометрия и линейная алгебра". Ну вот, был ряд конфликтов, я не буду о них рассказывать, с Верой Тимофеевной, с участием наших сотрудников кафедры. Достаточно сказать, что в 2013 году на заседании кафедры, посвящённом рекомендациям на должности преподавателя, большинство кафедры путём тайного голосования проголосовало против рекомендации Веры Тимофеевны на должность профессора. Затем на учёном совете Вера Тимофеевна не была избрана по конкурсу, она подавала в суд на МФТИ, суд принял решение в пользу МФТИ. Считаю, что избрание Веры Тимофеевны сильно ухудшит морально-психологический климат на кафедре.

И наконец, Максим Викторович Балашов. Максим Викторович 19 лет работает в МФТИ, как я уже говорил, есть рекомендация кафедры. Максим Викторович читает лекции по курсу матанализа, ведёт активную научную работу, за последние пять лет опубликовал 8 статей, работает в двух грантах РФФИ и в гранте РФФИ. Подготовил одного кандидата наук. Максим Викторович пользуется авторитетом среди коллег.

Но есть и другая сторона деятельности, о которой я должен сказать не как заведующий кафедрой, а как член учёного совета. Максим Викторович – председатель независимого профсоюза «Университетская солидарность». Профсоюз «Университетская солидарность» активно обсуждает проблемные ситуации в МФТИ, зачастую выступает с резкой критикой руководства МФТИ. Эта деятельность приносит как пользу, так и вред МФТИ. Польза состоит в привлечении внимания трудового коллектива к проблемным ситуациям, критический анализ нашей работы безусловно полезен.

Вред от деятельности некоторых членов профсоюза «Университетская солидарность» возникает тогда, когда наши коллеги публикуют с средств массовой информации информацию о проблемных или конфликтных ситуациях в МФТИ. Не секрет, что в настоящее время МФТИ находится в условиях жёсткой конкурентной борьбы. Любая информация о проблемах в МФТИ активно используется конкурентами, отрицательно влияет на рейтинги, может служить причиной сокращения финансирования МФТИ. Кроме того, подобная информация обсуждается абитуриентами МФТИ и их родителями, что может приводить к снижению конкурса в МФТИ.

Многочисленные беседы Николая Николаевича, Артёма Анатольевича и мои с Максимом Викторовичем и другими членами профсоюза «Университетская солидарность» привели к тому, что полтора года назад эти призывы были услышаны в результате с осени 2016 года до конца мая этого года подобных публикаций не было. К сожалению, в конце мая 2018 года профсоюз «Университетская солидарность» возобновил публикации в СМИ. 27 мая Андроник Арамович

Арутюнов и Максим Викторович Балашов, но в основном там Арутюнов, дали интервью «Радио Свобода». А 29 мая уже лично Максим Викторович Балашов дал интервью газете «Правда», в котором он прокомментировал иск в суд, поданный от профсоюза «Университетская солидарность» на МФТИ. И в этом отношении Максим Викторович подобен Вере Тимофеевне Петровой, оба претендента подавали иски в суд, но хотя по совершенно разным вопросам. Оба на МФТИ подавали.

Насколько я могу судить по публикации в «Правде», в иске в суд требуется предоставление профсоюзу «Университетская солидарность» полной информации о всей работе МФТИ и включение представителя "Университетской солидарности" в учёный совет МФТИ, ну и ряд других требований.

Если ещё минутка у меня есть, то про последние события хотел сказать в связи с тем, что была рассылка от профсоюза «Университетская солидарность» членам учёного совета. Перед этим, ещё две недели назад профсоюз «Университетская солидарность» начал сбор подписей в поддержку Максима Викторовича на выборах. И многие преподаватели поставили свою подпись в поддержку Максима Викторовича, но, как я выяснил в ходе бесед, не все их тех, кто поставил подпись, знали о всей этой ситуации. И многие даже не знали об этих публикациях и об иске в суд. Я счёл необходимым проинформировать наших преподавателей об этом и разослал им своё письмо, где наряду вот с этой информацией предложил высказаться о целесообразности следующих шагов, направленных на, как мне казалось, который могли бы способствовать разрешению этой ситуации и снятию напряжённости. Эти вот три шага я предложил: отозвать иск в суд на МФТИ Максима Викторовича Балашова, добровольно сложить с себя полномочия председателя профсоюза «Университетская солидарность» и дать публичное обещание воздержаться от выступлений, интервью, публикаций в СМИ и других форм распространения материалов о состоянии дел в МФТИ без согласования с руководством МФТИ.

Ну потом мне многие наши преподаватели высказывали, большинство в общем считали, что это правильные были предложения, были разные мнения на самом деле, ситуация на самом деле непростая. Ну и Максим Викторович отклонил мои предложения, «Университетская солидарность» на мировую не пошла, профсоюз не пошёл. Кроме того, коллеги из профсоюза рассылают моё письмо без моего разрешения вот, в том числе и вам, как членам совета, они это разослали, не спросив даже у меня разрешения. Но я считаю, что моё письмо – это было личное послание членам кафедры, и всё таки рассылать каким-то другим лицам – надо всё таки разрешение спросить. Ну хотя я не считаю это очень большим преступлением, но тем не менее. И вообще на мой взгляд, Максим Викторович является жертвой желания некоторых оппозиционно настроенных коллег устроить большой скандал.

С другой стороны, несмотря на наши проблемы в МФТИ не так уж плохо, надо заметить. И с зарплатами и с развитием демократии, и особенно это становится понятно, если знать ситуацию, которая происходит в других вузах. Ну и в

заклучение я ещё раз хочу в первую очередь проголосовать за Якова Михайловича Дымарского, который безусловно заслуживает избрания со всех точек зрения, в первую очередь, ну а далее голосовать с учётом изложенных обстоятельств. Если есть вопросы, я готов ответить.

Каменец: Давайте с Балашова, он как раз здесь присутствует. Он понимает, что его (невнятно) недопустимо в масштабах института? Он, я не знаю, пользу какую приносит? Но, если он считает, что у нас так все плохо, почему бы ему не уйти в другой вуз, пусть там наводит порядок.

Иванов: Фёдор Фёдорович, это ко мне вопрос или к кому?

Каменец: К Балашову.

Иванов: Давайте сначала ко мне может.

Шананин: Мой вопрос связан с тем, что преподавание математического анализа – это высокопрофессиональная деятельность. Обычно подготовка лектора занимает годы, если не десятилетия. И у нас на факультете, лектором которого является Максим Балашов, он читал всегда читали классики математического анализа.

Ректор: Александр Алексеевич, сейчас время вопросов.

Шананин: Мой вопрос заключается в том, что Максим Викторович за эти годы успел стать высокопрофессиональным педагогом. Есть ли ему какая-то альтернативная замена, адекватная?

Иванов: Отвечаю, Александр Алексеевич. Такая альтернатива есть. К нам идет на полную ставку Гриценко Сергей Александрович. Но он не подавал документы на конкурс и я надеюсь, что он будет зачислен по приказу, как обычно у нас делается. Он уже читал лекции на Физтехе, потом по не зависящим от нас обстоятельствам он был вынужден переехать в другой город. Но, вот сейчас он в Москве живет и планирует у нас работать. Вот, поэтому здесь проблем не будет.

Воронов: Коллеги, еще вопросы? Больше вопросов нет. Тогда, спасибо Вам. Кто хотел бы выступить?

Ректор: Перед началом первого заседания мы приняли решение Ученым советом, что заведующим кафедрой по каждой позиции предоставляется до пяти минут, выступающим три минуты, до трёх минут, ну и мы люди мягкие, мы смотрим до четырёх минут, после четырех минут начинаем прерывать. Поэтому кто хотел бы выступить, прошу. Вот Александр, пожалуйста.

Родин: Уважаемые коллеги, я буду краток. Я не являюсь членом Ученого совета и возьму на себя смелость выступить от имени физтеховского научного сообщества, которое на сегодня быстро растет и, хочется надеяться, и количественно и качественно меняет лицо Физтеха. Та состязательность, которую мы только

приобретаем и которая, я надеюсь, очень скоро станет нормой, это, конечно, очень здорово. Но, вот на этом фоне крайне печально видеть, что кафедра высшей математики, которая, в общем-то, является жемчужиной Физтеха, жемчужиной физтеховского образования ...

Из четырех кандидатур только одна моложе 65 лет, там перечислено количество публикаций, это все в общем-то ненулевые значения, но меньше десяти. И вдобавок шлейф из склок и скандалов. Это, конечно, очень печально. Это очень наша с вами ответственность. И вот мне бы хотелось, я не буду сейчас агитировать голосовать за или против одного из кандидатов, но хотел бы напомнить, что (неразборчиво) не устоит. Хотел бы призвать каждого понимать ответственность либо мы строим общее будущее Физтеха, либо мы преследуем какие-либо частные или групповые интересы.

Реплика: За кого голосовать?

Еще реплика: За единичку...

Орлов: Уважаемые коллеги, Орлов Юрий Николаевич, я сотрудник кафедры высшей математики и хотел бы немного сбалансировать выступление Григория Евгеньевича в плане обращения к профессиональной стороне деятельности одного из кандидатов – Максима Викторовича Балашова. Я хотел бы отметить, что за прошедший год он сделал два курса видеолекций, прочитал их студентам по матанализу, что является достаточно значительным усилием со стороны профессора, который одновременно читает эти лекции у доски.

И, кроме того, что, наверное, немаловажно для членов Ученого совета, что Максим Викторович является в настоящее время членом двух диссертационных советов МФТИ: один под председательством Шананина, где он активно участвует в этих заседаниях, то есть он вполне профессионально оценивает другие докторские диссертации. Ну и еще раз повторюсь, он ведет большую научную работу, вполне активно публикуется в журналах, Web of Science, что достаточно важно для МФТИ. В том же самом направлении достижений в рейтингах. От Максима Викторовича безусловно огромная польза всей нашей кафедре и студентам, которые его с удовольствием слушают.

Самарский: Уважаемые коллеги. Вы видите, что ситуация сейчас на кафедре математики очень сильно политизирована и это меня очень огорчает. Вы знаете, с 1995-ого года в нашем институте проходят и сейчас проводятся курсы повышения квалификации учителей физики и математики. Более 1000 человек прошли эти курсы. Одно из основных достоинств или замечаний по Физтеху было то, что нигде они не встречали такой атмосферы. Атмосферы внимания, участия, доброжелательности. Ни разу такого не было. Вот то, что мы сейчас слышим, я об этом узнал немножко раньше, меня просто поражает.

Я считаю, что пройдена красная линия: нельзя, недопустимо, подавать на институт, судиться с институтом, это вне сферы моего понимания. Существуют разные формы общения. Вот был такой период, о котором говорили при подготовке коллективного договора, еще раньше – сталкивались мнения, находили общее мнение, были хорошие предложения этой «Солидарности», группы ребят вполне активных. Форма часто была грубой и безобразной – «мы требуем». Естественно, когда слово «требуем», возникает встречное пожелание сказать соответствующие слова, но находили общие. Наиболее интересные моменты были приняты не просто во внимание, а внедрены. Было заметное улучшение и более того, мне казалось, что как-то все вошло в нормальное русло.

В каждом коллективе должна быть «баба-яга, которая всегда против». Должна быть, но есть границы, в пределах которых в нашем сообществе физтехов можно (неразборчиво). Меня это обижает, я не понимаю, почему это получилось. Отношение крайне негативное. И тогда к вам, как членам Ученого совета я обращаюсь, даже не обращаюсь, а вижу, что вы стоите перед, и я в том числе, перед дилеммой. Члены Ученого совета уполномочены рассмотреть кандидатов на должности профессора, доцента, преподавателя, дать свои рекомендации, выбрать среди достойных кандидатов с учетом мнения всех сторон и кафедры, и личных мнений. И возникает вопрос: когда мы выбираем человека на должность доцента, преподавателя, профессора, мы должны учитывать только его профессиональные способности, достижения? Или все-таки человеческий фактор – это очень важно? На мой взгляд, человеческий фактор, и на мой взгляд, какая-то ну на мой взгляд порядочность должна тоже стоять, на равных оцениваться. Вот вам предстоит, и мне предстоит выбрать, исходя из этого сделать правильный выбор. Потому что ситуация очень непростая. И я бы пожелал членам совета сделать этот выбор. Спасибо.

Петрова: Я хочу сказать, что когда Григорий Евгеньевич оценивал ситуацию на кафедре и, значит, на одну планку ставил Веру Тимофеевну Петрову и господина Балашова. Мягко говоря, картина была несколько необъективна. Во-первых, я никогда не подавала в суд на Физтех, я подавала на нарушение процедуры в процессе моего избрания. А именно, господин Половинкин, который тогда заведовал кафедрой, мягко говоря, передергивал ситуацию, и в результате этого было уволено с кафедры четыре профессора. Среди них и я. Присутствующий здесь господин Дикусар, профессор Егоров, который подавал в своё время заявление на доцента, но потом стал работать по приказу и еще профессор Галахов, автор одного из интереснейших направлений сочетания математики и физики. Причем Галахов работал на Физтехе, существовал на Физтехе с первого курса. Человек вырос здесь, добился высоких результатов и его вышвырнули. Все это прошло в результате той самой процедуры голосования, которое было организовано тем самым заведующим кафедрой, который Половинкин.

Я не буду сейчас вдаваться в эти проблемы, как там и что было организовано, но процедура была нарушена. Не говоря уже о том, что было инспирировано

выступление некоторых членов кафедры для порицания, в частности Веры Тимофеевны. Но, возвращаясь к ситуации, которая имеет место на сейчас – непонятно, почему Григорий Евгеньевич, будучи в курсе моих документов, которые я подала, не указал следующее. Во-первых, я читала не только лекции по алгебре и геометрии, я читала лекции по математическому анализу, когда болел Лев Дмитриевич. На достаточно длительном промежутке. Это соответственно раз.

Два. Когда была организована эта безобразная компания господином Половинкиным, 628 студентов в течение трех дней собрали подписи в защиту Петровой и был создан сайт, который существует до сих пор – «помоги Петровой». Те методы обучения, которые я использовала, приводили к тому, что группы, в которых я вела занятия, имели отличные оценки, поставленные не моей рукой на более 90 процентов. У меня есть копии некоторых ведомостей. Это соответственно, два.

Третье. У меня в 1999-м году, когда я работала на Физтехе еще совместителем, я была в докторантуре, было издано две книги – учебник по алгебре и геометрии для высших учебных заведений, который имеет министерский гриф «рекомендовано в качестве учебника по математике для математических специальностей вузов». Причем, как говорил Лев Дмитриевич, что такой гриф такого уровня, именно это (неразборчиво). Это имеется в виду качество изложения материалов. И в принципе его методические проблемы, которые позволяли добиваться такой высокой успеваемости.

Дальше, в настоящее время мне загадочно, почему господин Иванов это не произнес, в издательстве Физматлит вышли два моих учебника под названием «Книга 1. Лекции по геометрии и алгебре» и «Книга 2. Лекции по геометрии и алгебре». Один 38 печатных листов, другой 46. Сейчас нет министерского грифа, имеет гриф научно-методического совета при Министерстве, в который я вхожу с 90 какого-то года. Имеет гриф учебника. К слову сказать, на кафедре высшей математики учебники не издавались.

Завершая это дело, хочу сказать еще следующее: если мы говорим о качестве работы и о форме научной работы, да, опять же непонятно, почему Григорий Евгеньевич не произнес, что в последнее время у меня в ВАКовских журналах вышли две или три статьи по математике, но и еще в Германии напечатана моя монография (неразборчиво). Да будет, уважаемым членам Ученого совета известно, что оказывается теория мультипликативного интеграла, которой я занимаюсь, дает приложение во многих – эти кстати, сведения есть в моих документах – дает очень эффективные результаты в физике, химии и биологии. Так что, в этом отношении Физтеху это было бы полезно. Я не только читала свои курсы «Линейная алгебра и аналитическая геометрия». Соответственно в учебниках, которые в настоящее время изданы и я надеюсь, что будут издаваться на Физтехе, есть приложение «теория групп, теория представлений и тензорное исчисление». То есть то, что бывает нужно

студентам нашим, когда они начинают работать по специальности и чтобы они не говорили, что им не хватает этих знаний.

Давайте будем, да кстати, у меня никогда не было ни с кем конфликтов, конфликт был у господина Половинкина был со мной, потому что он почему-то счел, что я претендую на его место, оно мне задаром не нужно. Подводя итог, что же нам сказать о жизни. (цитата из прозы, тихо и неразборчиво) Кроме этого, как я сказала, я плохая, но 628 студентов поставили подписи в течение 3 дней в мою защиту.

Ректор: Ну то, что Вера Тимофеевна сказала по поводу студентов, это является абсолютной истиной и ребята очень активные, они приходили и любили лекции. К сожалению, это ни к чему не привело.

Петрова: Можно еще один момент, у меня четверо защитившихся аспирантов: из них двое работают в России, одна девочка в Шотландии и мальчик в Голландии.

Ректор: Спасибо, так, пожалуйста.

Карасев: Роман Карасев, кафедра высшей математики, я хотел бы один момент...

Ректор: Так, Роман, одну секундочку, я хочу членов Ученого совета спросить. Здесь у нас сейчас выступают члены Ученого совета. Сначала они и кого мы выбираем.

Кудров: Добрый день, уважаемые коллеги, члены Ученого совета. Сергей Леонидович Чернышов, научный руководитель Факультета аэромеханики и летательной техники, должен был сегодня лететь в Новосибирск на сертификацию Ан-2 и попросил меня выступить от его имени. Григорий Евгеньевич рассказал биографию кандидатов и, безусловно, интересна история Василия Васильевича Дикусара. Сразу после окончания МФТИ он работал в ЦАГИ, достаточно долгое время был учеником (неразборчиво) и, конечно, защищал кандидатскую диссертацию (неразборчиво). И сейчас он является активным ученым, список публикаций за последние 5 лет, достаточно много кандидатских. И на наш взгляд, конечно, его возвращение на Физтех будет очень полезно нашему факультету и кафедре математики. Вот соответственно, со стороны факультета и ЦАГИ горячо поддерживаем Дикусара Василия Васильевича. Спасибо.

Реплика: А вы его на ФАЛТ возьмете?

Кудров: С удовольствием.

Ректор: Члены Ученого совета?

Каменец: Формирование коллектива – это тонкая работа. Она требует усилия, таланта и терпения. Поэтому, не со всякого человека можно сделать того, кто может работать в этом коллективе. Но Физтех недаром называется «система Физтеха». Ведь это уникальная система и каждый здесь очень ответственное лицо, тем более

профессор. Профессор не может вести себя как ему заблагорассудится, являясь членом Физтеха. Профессор – это некое знамя, на которое мы равняемся. Поэтому, профессор не может выступать с тем, что ему заблагорассудится. И поэтому он должен понимать, что он является авторитетом для студентов.

Поэтому, скажем, поведение Балашова я не одобряю. Такой человек не может быть в коллективе института. Если ему что-то не нравится, пусть уйдет с Физтеха, уйдет в другое место. Физтех не даром, я еще раз говорю, называется «система Физтеха». Здесь каждый несет ответственность за действия коллектива в целом. Поэтому профессор, если он станет профессором, он должен понимать, что он особый человек в системе образования. И это мы должны учитывать при голосовании, нам нужны профессора, которые являются гордостью Физтеха.

Воронов: Коллеги, хотел бы сказать в поддержку Василия Васильевича Дикусара. Мне посчастливилось быть учеником, учиться у него на семинарах уравнений математической физики. Могу сказать, что я и вся группа мы чувствовали, что с нами работает известный и талантливый ученый, и он ставил важные для нас акценты, и достаточно легко и понятно излагал материал, и нам легко училось, Василий Васильевич, у вас. Конечно, почти вся группа написала на максимум, в том числе я, контрольную по уравнения математической физики, о чем, как мне кажется, свидетельствует высокий уровень преподавания. Я был очень рад узнать, что Василий Васильевич подает документы на Физтех, что он находится в такой очень боевой форме и, в общем, я свой голос, как член Ученого совета, буду отдавать ему.

Ректор: Ещё из членов совета кто-нибудь хочет что-то сказать?

Половинкин: Уважаемые коллеги, я не хочу выступать по поводу Веры Тимофеевны, потому что суд решил, и его решением вопрос снят. Поэтому я хочу сказать, что все-таки мнение кафедры о профессиональных достоинствах кандидатов, оно было высказано. И здесь Дымарский и Балашов являются несомненными лидерами в данной четверке по научным достижениям и по тому, что они читают, серьезно подготовились к чтению курса матанализа. А уж это вопрос не одного дня, и даже если к нам придет новый человек, о котором Григорий Евгеньевич сказал, я совсем не уверен, что он в состоянии начать курс матанализа. Это очень ответственное дело.

Поэтому я призываю вас поддержать мнение кафедры и проголосовать за те кандидатуры, которые были приняты кафедрой. А вопрос с воспитанием – это вопрос тонкий и во многом члены совета правы, во многом моему ученику Максиму Викторовичу надо было взрослеть и учиться, как вести себя в обществе. Но я надеюсь, что мы не последний день здесь работаем и человек взрослеет. И я надеюсь, он сделает определенные выводы после сегодняшнего, очень серьезного разбора его кандидатуры. Мне кажется, было бы правильно, и я предлагаю избрать и

того, и другого – Дымарского и Балашова в состав нашей кафедры профессорами. Спасибо.

Ректор: Так, еще члены совета.

Шананин: наших студентов, я имею в виду студентов математического направления, ценят во многом за хорошее владение математическим анализом. Это то, что отличает Физтех. Максим Викторович стал действительно профессионалом в этом деле. Это происходит не сразу, тренируется годами. И терять такого преподавателя, на самом деле, – это очень большой риск. Я хотел бы сейчас сказать о том, что Максим Викторович – хороший ученый. Он защищал диссертацию на нашем совете, и это была очень качественная диссертация. Он является членом нашего диссертационного совета, его ученик защищался в нашем совете – это тоже его работа.

Я предлагаю все-таки разделять: мы выбираем сейчас профессора, а не председателя профсоюза. И мне кажется, что необязательно председатель профсоюза должен дружить семьями с администрацией. Тут нет ничего обязательного. Надо находить общий язык, безусловно, я думаю, что Максим Викторович услышит мнение коллег. Я предлагаю, как сказал Евгений Сергеевич, поддержать на выборах Максима Викторовича Балашова и Дымарского.

Ланчаков: А можно мне вопрос задать, а вы вот говорили там за Максима Викторовича. А он политик или же он все-таки ученый-преподаватель?

Шананин: Я знаю его как не политика, я знаю его как коллегу. Все наши члены диссертационного совета знают, мы много пересекались на семинарах, на конференциях, его достаточно высокий уровень, качественный. Знаю как декан факультета, (неразборчиво) что это действительно профессионал. В этом качестве я его поддерживаю и считаю, что нужно разделять. А что касается того, что профессор несет еще и ответственность – это верно конечно. Но неординарные люди понимают ответственность по-разному. Вот Максим Викторович к этому относится (далее неразборчиво). Надо сказать, что действительно с неординарными людьми работать непросто, у меня тоже с Максимом Викторовичем, он был моим заместителем...

Ректор: Александр Алексеевич, ну давайте уже, как говорится, вы по третьему кругу.

Онищенко: У меня вопрос к Александру Васильевичу, если можно. Один короткий вопрос. Вот скажите, пожалуйста, профессор, преподаватель – это воспитатель или нет? К нам приходят школьники с шестнадцати лет до двадцати, без опыта, без всего и их надо воспитывать. Вот, может ли быть профессор невоспитанный сам и себе подобных воспитывать?

Шананин: Я бы не сказал, что Максим Викторович невоспитанный.

Ректор: Александр Алексеевич, вы здесь присутствовали на многих заседаниях... Отвечайте.

Шананин: Я считаю, что Максим Викторович выполняет очень большую воспитательную работу, учит людей, что такое результат, что такое доказанное утверждение или нет. Это непросто и действительно требует тех навыков для решения вопросов, которые Максим Викторович демонстрирует.

Петушков: У меня короткий вопрос. Есть понятие корпоративной этики. Поэтому полагаю, что те вопросы, которые возникают внутри, надо решать внутри и не выносить наружу, сор из избы не выносить. Спасибо.

Карасев: Я вернусь немного в начало обсуждения и затрону один момент. На самом деле за Максима Викторовича поставили свои подписи более 60 людей с нашей кафедры и не только. Несмотря на то, что намекал Григорий Евгеньевич, даже после обращения Григория Евгеньевича сотрудники нашей кафедры или не нашей кафедры, никто свои подписи не отозвал. Та аргументация, которую нам Григорий Евгеньевич зачитал, она на самом деле не была воспринята всерьез.

Ректор: Коллеги, есть предложение завершить дискуссию.

Балашов: Можно мне что-нибудь сказать?

Ректор: Вам можно, Максим Викторович.

Балашов: Спасибо. Я постараюсь быть кратким и, наверное, буду говорить про профсоюзную деятельность, не про научную, потому что это, я смотрю, вызвало наибольший резонанс в обсуждении.

Первое, я не «политик», а профсоюзный активист. Давайте называть это так. И наша деятельность исключительно профсоюзная. Поэтому называть это политикой или какой-то общественной деятельностью... Ну общественной можно, но политика – это явное передергивание. Мы не ставим цели добиться каких-то глобальных преобразований вне МФТИ. Это раз.

Насчет «сора из избы». Это уместно в корпорации частной, но государственные корпорации должны быть открыты, что демонстрирует, скажем, американские вузы, которые открыто публикуют информацию о зарплатах, движениях персонала и так далее. Поэтому тут спорный вопрос о корпоративной этике. В государственных учреждениях она не должна быть такой, как в частных.

Третий вопрос – это про суд. Наверное, наиболее все удивлены, возмущены, прочие эпитеты используют. Вопрос в том, что мы подали в суд на МФТИ, но, если вы почитаете про наш иск – мы не ставим целью поменять в МФТИ руководство. Иск исключительно направлен на то, чтобы наладить взаимодействие профсоюза и руководства. В течение всего последнего года у нас не получалось интерфейса, но тут возможно была и наша вина, конечно.

Мы вот пишем запросы, нет ответа. Приходим, обсуждаем какие-то моменты, нет ответа. Без этих ответов мы не можем действовать. Поэтому иск исключительно на то, чтобы наладить интерфейс и на то, чтобы решить какие-то противоречия, но я не буду их сейчас перечислять. Скажем, мы говорим: «у нас есть законные основания на это» и называем норму закона, а администрация МФТИ говорит: «у вас нет законного основания», и называет свою норму закона. И нет консенсуса, нет понимания. Как в таких ситуациях в цивилизованном обществе происходит разрешение вопросов? Люди идут в суд, и суд общей юрисдикции это решает. И я не вижу никаких проблем в этом.

По поводу статей. Мы действительно не давали статьи, но мы не всегда можем контролировать журналистов, товарищи. Вы поймите, что мы не можем контролировать журналистов, часть статей не наших, но статья в Правде, она посвящена исключительно позициям иска и те, кто удосужился ее посмотреть, должны были увидеть, что наш иск к МФТИ – это не ужасная какая-то попытка наезда или попытка превращения здесь всего в хаос. А наоборот – попытка наладить нормальное взаимодействие с руководством. Вот собственно, что я хотел сказать по нашей профсоюзной деятельности. Спасибо.

Ректор: Спасибо. Вопросы. Есть ли вопросы?

Баган: Максим Викторович, вопрос в следующем: поскольку вы здесь упомянули, насколько нам известно, иск в суд был подан в середине апреля, а отклонен был через три дня, а публикация в «Правде» вышла через полтора месяца, 29 мая, о том, что профсоюз подает в суд. Нет ли здесь какого-то подвоха. Зачем инициирована публикация через полтора месяца? Известно, что он был обжалован в середине июня, то есть публикация вышла тогда, когда (неразборчиво).

Балашов: Российский суд, как известно, самый гуманный суд в мире, ну и самый нетривиальный. Поэтому ситуация была такая – вы можете проследить по документам. Иск подан 17 апреля и только 1 июня мы получили ответ от судьи, 1 июня, но не 20 апреля, что иск передан в арбитражный суд, потому что он не содержит экономических позиций. И задним числом, 20 апреля, появилось определение судьи. Вот так было действительно, вы можете уточнить в суде, мы можем показать документы, отказное определение с переадресацией в арбитраж. Мы подали протест на этот отказ, вот и всё. Таким образом, иск подан 17-го, 20-го он задним числом отклонен. Информация об этом поступила, по-моему, первого июня, но я могу ошибаться.

Интервью газете «Правда» было сделано еще в мае, когда эта позиция была неизвестна. Но еще раз повторяю, этот иск мы рассматривали как рутинное, совершенно рутинное мероприятие по налаживанию взаимодействия. В ситуации, когда у каждой стороны есть какие-то жесткие законные основания, нормальный, цивилизованный способ решения – это идти в суд. И с помощью судьи так сказать, (неразборчиво) истины. Кстати, я думаю, что многие позиции МФТИ может

выиграть. Поэтому непонятно для кого это больше выгода: для нас или для МФТИ. Когда мы подавали иск, мы честно говоря, мы не были уверены, что это хорошая идея. Но, поскольку ничего другого не получалось, то решили примерно такой способ решения проблемы. И это поставило бы точки над *i* по многим вопросам. Но то, что получился такой резонанс, нас удивляет, конечно, но позиция ровно такая же, как я писал. Спасибо.

Самарский: Максим Викторович, ну так не действуют. Ну, нельзя, стыдно, честное слово.

Балашов: Я может сейчас разозлю часть совета, но я хочу напомнить насчет стыдно, что нам многочисленные люди говорили, что МФТИ – долгопрудненский, подмосковный вуз, хотя по статье 54 часть 2 Гражданского кодекса МФТИ – московский вуз.

Поэтому мы понимаем, мы неидеальны, мы может быть резки когда-то, но давайте я буду звучать сейчас выпендренно наверное – я патриот Физтеха, наверное самому о себе нехорошо так говорить, но как человек, который болеет душой за Физтех. Потому что мы не получаем никаких экономических дивидендов за свою деятельность. Мы не получаем никаких грантов от «Радио Свобода» или Конгресса США, но мы действуем так, как считаем нужным. Мы открыты. Кстати, вся информация о нашем иске вывешена на сайте, поэтому мы не «держим дулю в кармане». Все это публикуется, все это открытая информация для всех. Мы опять же готовы к диалогу, но когда он не получается, мы считаем, что суд – это не самый плохой способ решения, по крайней мере лучше, чем обращение в СМИ.

Ректор: Вот ещё вопросы есть, Юрий Николаевич.

Волков: Вот по поводу Вашего интервью, вы сейчас сожалеете? В содеянном или считаете (неразборчиво).

Балашов: Я много интервью давал «Свободе», о каком вы говорите?

Волков: Тем более!

Балашов: (в ответ на неразборчивые реплики из зала) Ну, она разрешена к вещанию в России.

Волков: Тут не работает тезис, что не запрещено – разрешено.

Балашов: Я не понимаю.

Волков: Ну как не понимаете? Вот здесь присутствует старшее поколение, они понимают, для всех нас, «Радиостанция Свобода», она всегда занималась подрывной деятельностью, всегда. Вот вы это осознаёте или нет?

Балашов: На это нужно сейчас отвечать? Это интересно

Ректор: Я думаю не надо. Вопрос задан, и он больше носит риторический характер. А то это уводит далеко в сторону от выборного процесса. Так, нет ещё вопросов? Максим Викторович, спасибо.

Ну вы знаете, я, честно говоря, не хотел выступать, но придется. Ситуация действительно, она не простая. И многое из того, что здесь говорилось, дало нам хороший и суровый урок. Потому что роль действительно заведующего кафедрой, который должен вот все эти нюансы тонкие оценивать и их уже физтеховскому сообществу доносить. Мы относимся с большим доверием к нашим заведующим. И я честно говоря, сегодня, здесь многие кафедры слушали, ну должен коллег похвалить и Евгения Григорьевича тоже. Информацию давали объективную.

То, что на кафедре математики происходит, к сожалению, большому нашему, наверное – это отражение кризиса кафедры. Потому что, действительно ну вот, я очень часто общаюсь с Владимиром Фортовым, и он очень сильно за нас переживает. И он мне говорит: «Николай, ты вспомни, когда мы учились. Кто нам преподавал?» Если вот здесь ограничиться кафедрой математики, то это были люди, как говорится, я многих там вспоминаю, и Сидорова, и Федорука, и Пальцева, и Мальцева. И кто сейчас преподают. Прежде всего, как бы, ассистенты, есть надежда, что они наберут высоту и может даже быстро. А вот здесь?

После того, как я закончил университет и какое-то время прошло, вот лекции всех тех профессоров были изданы как книги, и он были бестселлерами среди студентов многих вузов, и университета, и МИФИ и так далее. А вот сейчас да, надо признать, что только вот книги Веры Тимофеевны, ну чуть-чуть еще там есть. У нас вот из таких корифеев кафедры математики, известных всему российскому сообществу, только Назар Хангельдыевич. По большому счету, вот он признанный гуру в области математики. У нас, там вот энтузиастов есть.

Следующее, Григорий Евгеньевич, есть большая надежда, хочется, чтобы подросло, но чтобы это было, на кафедре должен быть климат другой. Если есть уважаемый профессор и говорит, что самое лучшее – это идти в суд, выяснять. Это очень наивная точка зрения. Почему-то мы с нашими женами не судимся... Ну, может быть после того как разведёмся. Пока не развелись – не судимся, и как-то находим общий язык и решаются очень сложные вопросы. Это иллюзия, что суд... Он ловит чисто формальные недочеты. И действительно, человек, на мой взгляд...

Кафедру математики необходимо сейчас укреплять. Чтобы это был единый коллектив. Растить молодежь, чтобы она выходила на новые рубежи. А если как говорится, идет поддержка вот такой деятельности, она очень сильно вредит институту. Понимаете, всплески активности всегда у нас весной, в апреле, в мае месяце под предвыборную, эту самую, приемную кампанию. У нас очень много конкурентов. Понимаете, это все разносится, где можно и не можно.

Потом у нас же как – суд это одно, а здесь где-то сказал корреспондент или кто-то еще, а в натуре все по-другому. Но это уже прозвучало. Мы где-то не

осознаем, где сейчас Физтех находится. Он находится очень высоко. Понимаете, очень высоко находится. Поэтому здесь все растет, поэтому зарплаты у всех высокие.

Упомянули про то, что Физтех в Москве? В 1998-м году мы Физтех в Москву переводили и две трети Ученого совета, между прочим, были против. Но тогда это были большие деньги, Лужков тогда сильно помогал университетам. И мы пребывали в этой дискуссии. Потом случился пожар в четвертом общежитии. После пожара я написал всем слезные письма с просьбой помочь. Никто не помог. Мне позвонил Федоров Игорь Борисович, ректор Бауманки на тот момент, председатель совета ректоров, в той должности, в которой я сейчас занимаю, я после него её занимаю, и сказал, что его пригласил Юрий Михайлович и сказал, что Физтеху надо помочь, но мы не можем, потому что вы подмосковные. И надо сделать быстро – перевести в Москву. И мы это стали делать. И сколько было формальных причин нам отказать. И Физтех – это по большому счёту, но вот какие-то люфты нашего законодательства позволили это сделать. А так мы подмосковный вуз. И получать эти деньги. Но это совсем другая история.

Та деятельность, которая вот ведется, она крайне вредит институту. Мы здесь вот все говорили о том, что ну как бы это недопустимо. И сейчас (неразборчиво) не звучат и я должен сказать, что как это, может быть, по крайней мере фон становится какой-то нормальный. Это все мешает институту. Все идет вперед, а это гири. Для нас это – гири. Я посмотрел, конечно, так оценил, пять лет назад мы сделали значимые ошибки, Евгений Сергеевич, по вашим рекомендациям. И Егорова бесконечно жалко, что он ушел.

Половинкин: Он работает.

Ректор: Ну, да. И Василий Васильевич вот тут. Люди скромные, сидят, не выступают за себя. И Вера Петровна тоже жалко, что ушли, и Максим Викторович мог бы по-другому, мог бы на Физтехе свою траекторию делать, но в сложившейся ситуации, однозначно, с учетом морально-политического климата и чтобы кафедра могла, так сказать, выходить из этого кризиса, нужно, чтобы на ней обстановка была нормальная. Вот, я, как говорится, исходя из этого, буду голосовать. Я все.

Воронов: Прошу поставить на голосование. Коллеги прошу голосовать ... 3..2..1.. По итогам голосования на первую позицию на должность профессора по кафедре высшей математики победил Дымарский Яков Михайлович. Прошу распечатать протокол для членов счётной комиссии и (неразборчиво).

Коллеги, прошу голосовать... Кто-то один не проголосовал. 3..2..1.. просьба завершить голосование. Значит, по итогам голосования на должность профессора кафедры высшей математики, позиция номер два, выиграл Дикусар Василий Васильевич, пятьдесят один процент голосов. Просьба распечатать протокол для членов счётной комиссии.

Ректор: Уважаемые, коллеги, сейчас остаются члены Ученого совета и утверждают результаты голосования. И у нас есть ещё вопросы.